

Женская проза периода репрессий как культурологический источник

Гвасалия Нина Васильевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет иностранных языков и регионоведения, Кафедра сравнительного изучения национальных литератур и культур, Москва, Россия

E-mail: ninelle018@mail.ru

20-50-е годы в советской России, с исторической точки зрения, характеризуются как период репрессий. Чтобы сохранить в тайне противозаконные и антигуманные действия советской власти многие факты скрывались, архивы засекречивались, вследствие чего реконструкция данного временного отрезка возможна лишь частично. Кроме того, на основе общедоступно-официального материала сложно сделать объективные выводы относительно социокультурной и духовной жизни людей, в особенности, лагерных арестантов. В достижении поставленной цели роль культурологического источника играют мемуары непосредственных свидетелей, прошедших через ГУЛАГ, дающих конкретный взгляд на пережитые ими самими события.

В качестве примеров мемуарной литературы были выбраны воспоминания Ирины Головкиной [1] как историко-культурного источника социальной панорамы уходящего дворянства в первой волне репрессий. Две другие волны представлены в мемуарах Ольги Адамовой-Слиозберг [2], женщины, которая была осуждена дважды, проведя в лагерях и ссылках 20 лет, реабилитированной «за отсутствием состава преступлений» (Адамова - Слиозберг, 2009, с.255). В нашем случае выбор жанра и авторов в качестве культурологического источника обусловлен несколькими факторами.

Прежде всего, глобальные социально-политические потрясения вызывают острую реакцию на происходящие события. В случае с эпохой ГУЛАГа ведение дневниковых записей «по горячим следам» представлялась опасным из-за запрещенной критики в адрес советского тоталитарного режима и систем управления государством, что, в свою очередь, явилось причиной роста мемуарной литературы, посвященной данной эпохе, но написанной и изданной много позднее.

Кроме того, жанр дневника отличается большей субъективностью, чем мемуары, в которых ретроспективность превалирует над сиюминутными эмоциями, зафиксированными в дневнике. Следовательно, жанр воспоминаний больше подходит в качестве культурологического источника, т.к. раскрывать социальную и культурную панораму осмысленно, вне всепоглощающих эмоций в отличие от синхронного запечатления ситуаций в дневниковых записях, даже несмотря на конкретно заданную автором модальность мемуарных описаний [3].

В дополнение к этому воспоминания являются наиболее подходящим для воспроизведения лагерного периода жанром, т.к. они не имеют четкой детальной структуры, присущей официальным документам, следовательно, способны охватить больший круг событий и описать их выразительнее и доступнее для читателя.

Зачастую жанр воспоминаний не воспринимается в качестве серьезного исторического источника по причине невозможности охватить и рассказать все [6], а также из-за недостатка фактографичности материала. Обвинение в узкой направленности мемуаров объясняется субъективностью автора, рассматривающего исторический контекст через призму собственных переживаний и межличностных отношений. Однако внутрисемейные события описываются на фоне и с учетом динамично развивающейся истории государства [4],

выступающей также причиной и условием внутреннего событийного ряда мемуариста. Таким образом, воспоминания о внутренних происшествиях неминуемо зафиксированы и общественные, более широкие реалии.

Кроме того, люди, познавшие ужасы советских репрессий, не в силах забыть лагерное время. Потрясения такого рода и масштаба сродни фантомным болям: преследуют даже после проведения «операции» и «отсечения» вехи жизни. Можно поспорить и насчет необходимости досконального описания. Изобилие деталей перегружает текст, делая его плоским, т.к. теряется иерархия событий и их важность с точки зрения автора. Помимо этого, текст лишается смыслового и лексического единства, распадаясь на множество меньших по значимости составляющих.

Примером яркого описания, может послужить случай с золотом, найденным О. Слиозберг:

«Золото... На что оно мне было в лагере? Но что-то магическое есть в этом песке...»

- Ну зачем тебе золото? Живем тут, сено косим. А найдут золото, знаешь сколько людей покалечат?» (Адамова-Слиозберг, 2009, с.118)

В приведенном отрывке показаны две разные реакции на находку. Слиозберг определила золотой песок с мирской точки зрения ценности металла, несмотря на осознание его бесполезности в ее условиях. Товарищ Прохоров, будучи давно в лагерной системе, смог сразу понять реальную стоимость золота, равнозначную человеческим жертвам как результат работы на приисках. Помимо общего культурологического значения детальные отрывки такого рода демонстрируют отношение к ним автора и убеждают читателя в достоверности материала

Проведенное исследование женской прозы 1920-1930-х гг. позволило оценить роль мемуаров как культурологического источника для реконструкции периода репрессий. Несмотря на наличие субъективной стороны повествования - личного мнения автора - мемуары представляют исторический интерес в той степени, в какой данный временной отрезок не может быть представлен в официальных документах. Благодаря непосредственному авторскому участию в описываемых им пассажах из жизни, даже его односторонний взгляд отражает действительность достаточно детально, чтобы ощутить познавательную ценность мемуаров. Освещение быта и культуры окружения (семьи, социальной группы) предоставляет и новые сведения о культуре повседневности советского общества в целом, но, что более важно, открывает особенности повседневности лагерной жизни, что придает мемуарам исключительную значимость и уникальность. Таким образом, мемуары хранят память о забытых и переписанных страницах истории СССР.

- 1
- 1.
- 2.
- 3.
- 4.
- 5.
- 6.

Источники и литература

- 1) Адамова – Слиозберг О. Путь. М., 2009.
- 2) Бушканец Лия Ефимовна//Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки.2015.Т. 157. No. 2. С. 19-27.
- 3) Головина Т.И. Мемуары как источник культурологического исследования. Автореф. дисс. кандидата культурологии. С.-Пб, 1998
- 4) Головкина И.В. Лебединая песнь. С.-Пб.: Храм во имя святых Царственных Страстотерпцев в Сологубовке. 2008.
- 5) Лебедева Н.Б. Мемуары как письменно-речевой дискурс рядового носителя русского языка: ценностно-концептный анализ//Вестник Кемеровского государственного университета. 2015.No. 1. С. 92-100.
- 6) Сиротина И.Л. Культурологический потенциал мемуарного источника: поиски новой парадигмы. // Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова. / Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 26-27 мая 1997 г.) Санкт-Петербург : Изд-во Института Человека РАН (СПб Отделение), 1997. . С.78.

Слова благодарности

Благодарю за рассмотрение моей заявки.